

Наложница Жун поправила свой наряд и, едва сдерживая гримасу досады, подошла ближе:

— Генерал, император перебрал с вином. Я сама отведу его отдохнуть.

Юйчи Чэнъян опустил взгляд на Фан Лижаня, который принялся отчаянно мотать головой. Раз на то воля самого императора, значит, ему, подданному, не стоит мешать чужим планам.

Юйчи Чэнъян крепко ухватил Фан Лижаня за руку и отрезал:

— Ваше величество, прошу вас вернуться. У меня есть неотложное дело к императору, я сам позабочусь о нем.

— Но... — наложница Жун попыталась возразить, но, встретившись взглядом с Юйчи Чэнъяном, осеклась. Как бы ей ни было досадно, продолжать она не посмела. — Берегите драгоценное здоровье императора. Отдыхайте, а я удаляюсь.

Когда дежурные любезности остались позади, в опустевшем ночном Императорском саду остались лишь Юйчи Чэнъян и Фан Лижань.

— Больно... — простонал Фан Лижань. — Ты же обещал позаботиться обо мне, так делай это хотя бы правдоподобно! Разве так обращаются с людьми? Ты же меня тащишь, как нашкодившего котенка.

Услышав жалобу, Юйчи Чэнъян неохотно подхватил его под руки и помог встать. Лишившись женского тепла и аромата духов, Фан Лижань немного протрезвел, но дурманящее чувство, словно при сильном жаре, не отступало. Он просто обмяк, всем телом повиснув на Юйчи Чэнъяне, и невнятно забормotal:

— Что со мной? Мне так плохо...

Юйчи Чэнъян некоторое время пристально смотрел на его лицо, а затем внезапно перехватил его запястье и, изображая знатока, принялся прощупывать пульс:

— Я много лет провел в походах и немало почерпнул у армейских лекарей. По моему скромному мнению, ваше величество отравлены сильным ядом, и жить вам осталось недолго.

Что?! Он так легко, даже не покраснев, вынес смертный приговор? Если бы не дешевая Система, которая успела выдать парочку не менее дешевых фраз, Фан Лижань почти поверил бы в это.

Не имея возможности прямо опровергнуть его слова, Фан Лижань решил подыграть:

— Неужели я отравлен? Скорее води меня к имперским лекарям!

— Уже поздно, — невозмутимо ответил Юйчи Чэнъян. — Яд уже проник во все внутренние

органы. Каждый ваш шаг лишь ускоряет его действие. Боюсь, император не дожидется лекарей. Но не волнуйтесь, я сделаю все возможное, чтобы найти убийцу и упокоить вашу душу, чтобы даже в мире ином вы могли обрести покой.

Дело еще толком не началось, а он уже начал говорить о душе, отходящей в мир иной. Это же проклятие, не иначе! Фан Лижань впервые оказался в подобной ситуации и не знал, как реагировать. Почему Юйчи Чэнъян так одержим идеей убедить его в скорой кончине? Никакого яда и в помине нет, а он ведет себя так, будто все по-настоящему. Неужели он просто хочет посмеяться над его страхом смерти?

Вспомнив, как с самого начала Юйчи Чэнъян третировал его, Фан Лижань подумал: может, это какая-то скрытая склонность к садизму? Он прикрыл ладонью сердце, изобразил всхлип, но, решив, что рыдания для мужчины — это слишком приторно, просто обмяк и позволил себе соскользнуть на землю. Закрыв глаза, он принял позу безнадежно умирающего человека.

Земля была прохладной, негоже упускать такой момент. Вспоминая замедленные кадры из кино, Фан Лижань протянул руку, вцепился в полу халата Юйчи Чэнъяна и, сдавленным, полным горечи голосом прошептал:

— Любимый подданный...

Услышав такое обращение из уст Ци Юя, Юйчи Чэнъян невольно содрогнулся от отвращения. Но Фан Лижань не унимался:

— Любимый подданный, кто бы мог подумать, что последние мгновения моей жизни я проведу именно с тобой. Но, подумав, я понимаю, что это истинное счастье. Иначе, не увидев тебя в последний раз, я бы не смог умереть спокойно.

У Юйчи Чэнъяна дернулся уголок губ. Если бы не то, что его одежду намертво сжимали, он бы немедленно ушел.

<http://bllate.org/book/21618/2229950>